

**Отзыв Гандурина (Главрепертком)
о пьесе Н. Эрдмана «Самоубийца»,
представленный Сталину**

<5 ноября 1931 г.>

Главное действующее лицо пьесы Эрдмана «Самоубийца» — Федя Петунин.

О нем говорят в течение всей пьесы, но он ни разу на сцену не появляется.

Петунин — единственный положительный персонаж пьесы (писатель, прозрачный намек на Маяковского) кончает самоубийством и оставляет записку: «Подсекальников прав, жить не стоит».

В развитие и доказательство смысла этого финала, по сути дела, и построена вся пьеса в весьма остроумной форме (повторяя «Мандат» того же автора), излагающая анекдотический случай с обывателем мещанином Подсекальниковым, в силу целого ряда житейских обстоятельств симулирующего самоубийство.

Пьеса полна двусмысленных ситуаций. Она как будто стремится дать сатиру на обывателей, мещан, внутри эмигрантствующих интеллигентов, но построена таким образом, что антисоветские сентенции и реплики, вложенные в уста отрицательных персонажей (а отрицательные персонажи все действующие лица), звучат развернутым идеологическим и политическим протестом субъективного индивидуализма и идеализма против коллектива, массы, пролетарской идеологии, «35 тыс. курьеров», — невежественных Егорушек, желающих навязать интеллигенции свои вкусы.

Подсекальников выведен в смешном виде, но изрекает с точки зрения классового врага вовсе не смешные вещи. Он ходячий сборник (точно как и другие действующие лица) антисоветских анекдотов, словечек и афоризмов. Эти крылатые фразы пронизывают всю пьесу, и убрать их купюрами нельзя, не разрушая органической ткани всей пьесы.

Мораль пьесы: в столь жалких условиях, когда приходится приглушать все свои чувства и мысли, когда необходимо в течение многих лет «играть туш гостям», «туш хозяевам», когда «искусство — красная рабыня в гареме пролетариата», — жить не стоит.

С другой стороны, пьеса, возможно, помимо субъективной воли автора, требуя для интеллигенции «права на шепот» — этим самым наносит ей типичный эмигрантский удар, как интеллигенции в советских условиях, способной только на шепот. С третьей стороны пьеса представляет собой гуманистический призыв оставить в покое, не трогать всех этих Аристархов и им подобных, никому не мешающих и «безобидных» людей, а на деле — классовых врагов.

Пьесу в ее нынешнем виде можно без единой поправки ставить на эмигрантских сценах. Ибо вместо осмеяний внутренней эмигрантщины и обывательщины она выражает, хотя и в завуалированной форме, эмигрантский протест против советской действительности. В таком виде отрицательный эффект постановки пьесы Эрдмана был бы во много раз больше, чем от постановки «Натальи Тарповой», «Партбилета», «Багрового острова» и др. им подобных пьес, которые пришлось снимать с величайшими скандалами после первых же спектаклей.

Пьеса была запрещена ГРК в начале сентября 1930 г. Она была также отклонена театром им. Вахтангова. После читки ее на Худполитсовете театра им. Мейерхольда она получила резко отрицательную оценку в ряде московских газет. Своевременно она была направлена в прошлом году в Культпроп тов. Рабичеву по его просьбе.

Предс. ГРК — ГАНДУРИН

И. В. СТАЛИН — М. А. ШОЛОХОВУ

<6 мая 1933 года>

Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже.

Для разбора дела прибудет к вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому — очень прошу Вас — оказать помощь.

Это так. Но не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иног-